

Ежегодник Японии 2024. Т. 53. С. 34–57

Yearbook Japan 2024. Vol. 53, pp. 34–57

DOI: 10.55105/2687-1440-2024-53-34-57

Образование как главный фактор социальной мобильности в Японии

И. П. Лебедева

Аннотация

В современном мире, в первую очередь, в развитых странах, главным фактором межпоколенческой социальной мобильности стало образование. По тому, усиливается или, наоборот, смягчается влияние «обстоятельств рождения» на доступ к образованию, социологи судят о степени открытости или жесткости социальной структуры. Хотя в Японии к настоящему времени высшее образование стало уже массовым, это не означает, что уменьшилась степень социального неравенства в этой сфере. Структурирование шансов детей на доступ к высшему образованию по линиям, разделяющим общество на разные социальные слои, начинается здесь еще на этапе обучения в школе – сначала в средней школе, а затем – в школе высшей ступени.

Неравенство шансов, формирующееся на стадии школьного образования, влияет и на выбор детьми и их родителями ранга университета, и на выбор специальности, а в дальнейшем – и на возможности трудоустройства, предопределяя, по сути, весь жизненный путь человека. Опираясь на работы известных японских социологов и материалы японской статистики, автор показывает, что японская система образования играет двойную роль. С одной стороны, она предоставляет шансы оторваться от своих социальных корней и продвинуться по социальной лестнице все большему числу молодых людей, а с другой – консервирует и воспроизводит социальное неравенство.

По расчетам японских социологов, показатели относительной социальной мобильности, отражающей соотношение шансов на доступ к высшему образованию выходцев из разных слоев населения, на протяжении всего послевоенного периода отличались удивительной стабильностью. Это, с одной стороны, не подтверждает ставший расхожим тезис о нарастании неравенства в сфере образования в последние два-три десятилетия, а с другой – позволяет утверждать, что как прежде, так и теперь японское общество является *какуса сякай* или разделенным обществом. Однако нарастание в структуре

выпускников японских университетов доли второго поколения обладателей университетских дипломов дает основание предположить, что масштабы влияния фактора социального неравенства в сфере образования постепенно будут сокращаться.

Ключевые слова: социальная структура, социальное неравенство, образование, межпоколенческая мобильность, *какуса сякай*.

Автор: Лебедева Ирина Павловна, д.э.н., главный научный сотрудник, Центр японских исследований Института востоковедения РАН, 103031 Москва, ул. Рождественка, 12.

E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0273-2689

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Education as the Main Factor of Social Mobility in Japan

I. P. Lebedeva

Abstract

In the modern world, primarily in developed countries, education has become the main factor of intergenerational social mobility. Sociologists judge the degree of openness or rigidity of the social structure by whether the influence of “birth circumstances” on access to education increases or, conversely, softens. Although higher education has become widespread in Japan by now, this does not mean that the degree of social inequality in this area has decreased. Structuring children’s chances of access to higher education along the lines dividing society into different social strata begins here at the stage of schooling – first, in secondary school, and then in high school.

The inequality of chances that forms at the stage of school education affects the choice of university rank and directions of specialization by children and their parents, employment opportunities in the future, determining, in fact, the entire life path of a person. Based on the works of famous Japanese sociologists and the data of Japanese statistics, the author shows that the Japanese education system plays a dual role. On the one hand, it provides a chance to break away from one’s social

roots and move up the social ladder to an increasing number of young people. On the other hand, it preserves and reproduces social inequality.

According to calculations by Japanese sociologists, indicators of relative social mobility, reflecting the ratio of chances to access higher education for people from different backgrounds, were remarkably stable throughout the post-war period. On the one hand, this does not confirm the widely accepted thesis about the growing inequality in education in the last two or three decades. On the other hand, it allows us to assert that both before and now Japanese society is a *kakusa shakai*, or a gap society. However, the increase of the share of second-generation university degree holders in the structure of Japanese university graduates suggests that the scale of the influence of the factor of social inequality in education will gradually decrease.

Keywords: social structure, social inequality, education, intergenerational mobility, *kakusa shakai*.

Author: *Lebedeva Irina Pavlovna*, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of RAS: 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031, Russia.

E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0273-2689

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

В последние два десятилетия под влиянием заметных изменений, происходящих в экономике и обществе Японии, в центре внимания ученых, специалистов и общественности оказались вопросы о характере японского общества – о том, насколько открыта его социальная структура, насколько велико влияние социальных корней на жизненный путь человека, нарастает или, наоборот, снижается степень социального неравенства в ходе социально-экономического развития и т.д. Поскольку в современном мире, прежде всего, в высокоразвитых государствах, главным фактором, формирующим и меняющим социальный ландшафт, стало образование, в дискуссиях о характере японского общества центральное место заняли вопросы о том, насколько справедлива существующая система образования и способствует ли она сглаживанию социального неравенства. При этом, поскольку

полное среднее (12-летнее) образование получают сейчас практически все молодые японцы, речь идет главным образом о системе высшего образования. Рассмотрению некоторых аспектов этой проблемы и посвящена данная статья.

Образование и социальная мобильность

Прежде всего, следует отметить, что в Японии в силу особенностей демографической ситуации происходит непрерывное сокращение численности выпускников школ высшей ступени, т.е. потенциальных абитуриентов японских университетов. С 1 млн. 778 тыс. в 1990 г. их число сократилось до 1 млн 329 тыс. в 2000 г., 1 млн 69 тыс. в 2010 г. и 1 млн 37 тыс. в 2020 г. В 2022 фин. г. (т.е. по состоянию на 31 марта 2023 г.) высшую ступень средней школы закончили 990,2 тыс. японцев. Из них устроились на работу около 146 тыс. (14,7%), поступили в университеты 559,2 тыс. (59,4 %), а еще порядка 166 тыс. (16,8%) поступили в *сэммон гакко* – профессиональные колледжи, которые в последние годы стали особенно популярны, так как обучают профессиям (в основном техническим), пользующимся повышенным спросом на рынке труда¹.

Молодые люди, получившие полное среднее образование и решившие начать трудовую жизнь, без труда находят работу, так как численность этого контингента сокращается опережающими темпами. Так, если в 1990 г. на рынок труда вышли 736 тыс. выпускников школ высшей ступени (41,4% от их общего числа), то в 2000 г. – 239 тыс. (18,0%) , в 2010 г. – 169 тыс. (15,8%), в 2022 г. – 146 тыс. (14,%)². Неудивительно поэтому, что коэффициент эффективного спроса на труд (показывающий соотношение между числом вакансий и числом лиц, ищущих работу) в этой категории особенно высок: в 2015 г. он составил 1,85, в 2018 г. – 2,53, в 2020 г. – 2,90, а в 2022 г. – 2,89³.

¹ Mombu kagaku tōkei yōran Reiwa 5 nen (Statistical Overview of the Ministry of Education, Science and Technology 2023). Table 10: https://www.mext.go.jp/b_menu/toukei/002/002b/1417059_00008.htm

² Mombu kagaku tōkei yōran Reiwa 5 nen (Statistical Overview of the Ministry of Education, Science and Technology 2023). Table 10: https://www.mext.go.jp/b_menu/toukei/002/002b/1417059_00008.htm

³ Rōdō tōkei yōran Reiwa 4 nen (Statistical Overview of the Ministry of Health, Labor and Welfare 2022). Table C-15: https://www.mhlw.go.jp/toukei/youran/indexy_r_c_2.html 2022 c-15

Доля выпускников школ высшей ступени, поступающих в университеты, демонстрирует противоположную динамику. Если в 1990 г. она составляла 30,5%, в 2000 г. – 45,1%, в 2010 г. – 54,3%, то в последние годы уже вплотную приблизилась к 60%. В абсолютном же выражении число вновь принятых в вузы студентов возросло с 542 тыс. в 1990 г. до 599 тыс. в 2000 г., и затем стабилизировалось на уровне примерно 590 тыс. в год⁴.

В последние три десятилетия в Японии происходило быстрое расширение сети частных университетов – их число увеличилось с 372 в 1990 г. до 620 в 2022 г., в том числе за счет преобразования трехгодичных *танки дайгаку* в полноценные четырехгодичные университеты. Возникли и новые префектурные и муниципальные университеты – их общее число возросло с 39 до 101. В результате к 2022 г. общее число высших учебных заведений Японии достигло 807, что на 300 единиц превысило показатель 1990 г.

Очевидно, что столь значительное расширение сети университетов с лихвой перекрыло реальные потребности в их образовательных услугах, результатом чего стало повышение доступности высшего образования в плане облегчения условий поступления. Конечно, это не относится к ведущим вузам страны, где, как и прежде, сохраняются высокая конкуренция и жесткий отбор. Но в целом ситуация, безусловно, стала более благоприятной для абитуриентов. Об этом можно судить, в частности, по такому показателю, как соотношение между числом поданных на поступление заявок и числом принятых студентов: в 1990 г. оно составило 1,93, в 2000 г. – 1,29, в 2010 г. – 1,16, в 2020 г. – 1,12, в 2022 г. – 1,02. Похоже, что уходит в историю и такое прежде типичное следствие «экзаменационного ада», как *ронины*, т.е. потерпевшие неудачу абитуриенты, предпринимающие попытку повторного поступления через год. С 278 тыс. в 1990 г. их число сократилось до 145 тыс. в 2000 г., 84 тыс. в 2010 г. и 69 тыс. в 2020 г., а в 2022 г. составило всего лишь 766 человек⁵.

⁴ Mombu kagaku tōkei yōran Reiwa 5 nen (Statistical Overview of the Ministry of Education, Science and Technology 2023). Table 10: https://www.mext.go.jp/b_menu/toukei/002/002b/1417059_00008.htm

⁵ Mombu kagaku tōkei yōran Reiwa 5 nen (Statistical Overview of the Ministry of Education, Science and Technology 2023). Table 11: https://www.mext.go.jp/b_menu/toukei/002/002b/1417059_00008.htm

Объективные условия для быстрого распространения высшего образования в Японии создает спрос на рабочую силу более высокого уровня образования и квалификации со стороны высокотехнологичной японской экономики. Это, в частности, проявляется в различиях в размерах начальной заработной платы выпускников с разным уровнем образования (табл. 1).

Таблица 1. Размеры начальной заработной платы выпускников (тыс. иен в месяц, 2022 г.)

Уровни образования							
Высшая ступень средней школы		Технологический колледж, <i>танки дайгаку</i>		Университет		Аспирантура	
мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
183,4	177,6	204,1	201,8	229,7	227,2	271,9	256,9

Источник: Nihon tōkei nenkan 2024 [Japan statistical yearbook]. Table 19–11. <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/73nenkan/1431-19.html>

Так рынок оценивает выпускников с разным уровнем образования, и эти различия служат одновременно и стимулом к получению высшего образования. Кроме того, шансы на трудоустройство в качестве постоянного работника также выше для лиц с университетским образованием, что в условиях Японии, где существует значительный разрыв между постоянными и непостоянными работниками в оплате труда, объеме социальных гарантий, возможностях для карьерного роста и т.д., имеет особое значение. Так, например, в 2018 г. среди выпускников средних школ (9-летних) место постоянного работника получили 11,7%, среди закончивших высшую ступень средней школы – 61,9%, среди выпускников технологических колледжей и *танки дайгаку* – 74,7%, среди закончивших университеты – 79,1%⁶.

Однако едва ли не самым главным фактором быстрого распространения высшего образования стали сформировавшиеся в после-

⁶ Yakunen koyō jittai-ni tsuite Heisei 30 nen (About the situation in the Employment of Young People 2018) https://www.mhlw.go.jp/toukei/list/dl/4-21c-jyakunenkyou-h30_08.pdf

военный период и укоренившиеся в общественном сознании представления о том, что хорошее образование – это главное условие достижения успеха в жизни и продвижения вверх по социальной лестнице. Специалисты характеризуют японское общество термином *гакурэки сякай*, что можно перевести как «общество, ориентированное на получение свидетельств об образовании». И оно полностью оправдывает такую характеристику.

Опросы показывают, что значительная часть родителей японских школьников хотели бы дать своим детям как можно более высокое образование, хотя при этом прослеживаются очевидные различия между позициями представителей разных социальных групп. Например, среди семей, где оба родителя имеют высшее образование, к этому стремятся 87%, среди семей, где высшее образование получил один из родителей – 74%, а среди семей, где оба родителя без высшего образования – лишь 50%. Эти различия отражаются и на устремлениях самих учеников. Так, к концу третьего года обучения в средней школе (т.е. накануне поступления в среднюю школу высшей ступени) среди учеников, у которых оба родителя имеют высшее образование, намерены в будущем поступить в университет $\frac{3}{4}$, среди тех, у кого высшее образование имеет один из родителей – 55%, а среди детей из семей, где ни один из родителей не имеет высшего образования – лишь $\frac{1}{3}$ [Genjō de tsutaeru kyōiku shakaigaku 2021, p. 49].

Как отмечает профессор Мацуока, в целом японская система образования более справедлива и равноправна, чем во многих других странах. Благодаря введению системы всеобщего обязательного 9-летнего образования, опирающейся на государственное финансирование, дети в самых отдаленных районах страны имеют возможность получить образование того объема и того уровня, которые определены государственными стандартами. Эти стандарты относятся и к уровню квалификации учителей, требования к которым одинаковы во всех школах [Genjō de tsutaeru kyōiku shakaigaku 2021, p. 50–51].

Однако, равенство шансов на получение стандартного среднего образования не означает равенства в доступе к учебным заведениям более высокого уровня, прежде всего, к университетскому образованию. Показательно, что несправедливость в отношении шансов детей на получение высшего образования отмечают японцы, принадлежащие к разным социальным группам, хотя степень поддержки этого тезиса в целом снижается по мере повышения уровня образования

респондентов. Так, в случае, когда оба родителя имеют либо среднее, либо полное среднее образование, согласны с тем, что шансы на получение высшего образования неравны, 73,9%; в случае, когда один из родителей имеет образование на уровне *танки дайгаку* или *сэммон гакко*, это мнение разделяют 64,3%; в случае, когда высшее образование имеет один из родителей, степень поддержки этого тезиса составляет 69%, а когда высшее образование имеют оба родителя – 66,1% [Куёйку то шакай кайсё 2018, p. 127].

Как показывает вся послевоенная история Японии, возможности получения высшего образования зависят от комбинации целого ряда факторов, главными из которых являются экономическое положение семьи, социальный статус ее главы (профессия отца) и уровень образования родителей. В то же время нельзя сказать, что эти факторы напрямую влияют на возможности детей из разных социальных страт получить высшее образование, поскольку меритократический характер японской системы школьного образования, т.е. ориентация на оценку прежде всего личных достижений учеников, создает условия для поступления в университеты и выходцев из семей, располагающихся на нижних этажах социальной структуры. Наглядным подтверждением этому являются приведенные выше данные о быстром нарастании доли выпускников высшей ступени средней школы, поступающих в университеты.

Тем не менее, данные табл. 2 свидетельствуют о весьма высокой корреляции между социально-экономическим положением семей и шансами детей на получение высшего образования.

Таблица 2. Доля детей, поступающих в университеты, в зависимости от социально-экономического положения их семей (%)*

Доход семьи (млн иен в год)	Уровень образования родителей			
	Оба родителя с высшим образованием	Один из родителей с высшим образованием	Один из родителей со средним специальным образованием или <i>танки дайгаку</i>	Оба родителя либо со средним, либо с полным средним образованием
До 3,75	-	43,2	29,4	24,7

От 4 до 6,75	-	66,7	37,3	18,9
От 7 до 9,25	75,0	73,7	44,2	34,0
Свыше 11,25	86,4	71,7	44,0	43,5

Источник: [Kyōiku to shakai kaisō, 2018 p. 118].

* Расчеты сделаны проф. К. Хирасава на основании данных SSM 2015. Выбраны наиболее типичные по уровню дохода группы семей. Социальный статус семьи в данном случае ассоциируется с уровнем образования родителей.

Как показывают данные таблицы, при всех различиях в доступности высшего образования для выходцев из разных социальных слоев, даже семьи, занимающие нижние ступени социальной структуры, стремятся по возможности направить своих детей в университеты. Поэтому состав японского студенчества постепенно меняется, становясь все более демократичным, хотя этот процесс нельзя назвать линейным.

Таблица 3. Изменение состава японцев по уровню образования (по возрастным когортам, %)

	Возрастные когорты по годам рождения					
	1985– 1994	1975– 1984	1965– 1974	1955– 1964	1945– 1954	1935– 1944
Второе поколение выпускников университетов	28,6	21,6	12,6	10,5	6,2	4,2
Первое поколение выпускников университетов	22,5	24,4	27,5	28,0	17,6	11,1
Лица, получившие образование ниже уровня образования их отцов (имеющих высшее образование)	9,0	8,7	4,4	4,2	3,7	5,2

Лица, не имеющие высшего образования	39,9	45,3	55,4	57,3	72,5	79,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: [Shyōshi kōrei shakai no kaisō kōzō 2 2021, p. 124].

Используя данные Social Stratification and Social Mobility Survey (SSM) – масштабного социологического обследования, которое проводится в Японии раз в десять лет, начиная с 1955 г., профессор Осакинского университета Т. Киккава проанализировал изменения в структуре образования японцев, рожденных в периоды 1935–1944 гг., 1945–1954 гг., 1955–1964 гг., 1965–1974 гг., 1975–1984 гг. и 1985–1994 гг., выделив следующие четыре группы: второе поколение выпускников университетов; первое поколение выпускников университетов; лица, получившие образование ниже уровня образования их отцов (имеющих высшее образование); лица, не имеющие высшего образования.

В табл. 3 приводятся результаты расчетов профессора Т. Киккава. Поскольку распространение высшего образования вело к росту среди глав японских семейств лиц с высшим образованием, происходил и рост в общем числе выпускников университетов доли второго поколения обладателей университетских дипломов [Shyōshi kōrei shakai no kaisō kōzō 2 2021, p. 124]:

Доля в общем числе выпускников университетов второго поколения (по годам рождения, %)

1935–1944	1945–1954	1955–1964	1965–1974	1975–1984	1985–1994
27,5	26,1	31,3	41,9	47,0	56,0

В то же время повышение в структуре выпускников университетов доли первого поколения, т.е. выходцев из более низких социальных слоев, означает, что в послевоенный период миллионы молодых японцев благодаря получению высшего образования смогли оторваться от своих классовых корней и занять в социальной структуре более высокое, чем их отцы, положение. Этот процесс отражает масштабы абсолютной мобильности по образованию, которая была особенно активной в поколениях, родившихся в период 1955–1974 гг., т.е. в период

быстрых темпов экономического роста, когда в стране происходила бурная индустриализация и урбанизация и высокими темпами росли доходы населения (т.е. их отцов). Взросление этих поколений также пришлось на весьма благоприятный с точки зрения экономической ситуации период.

Наряду с абсолютной мобильностью для анализа сдвигов в социальной организации специалисты используют и такой показатель, как относительная мобильность. В отношении образования она измеряет степень различий в возможностях получения высшего образования между выходцами из разных социальных групп, показывая в какой степени на эти возможности влияют их социальные корни. Как замечает профессор Токийского университета Х. Исида, образование – это, с одной стороны, инструмент, с помощью которого люди из непривилегированных слоев переходят в более высокий статус, а с другой – функция воспроизводства классовых позиций в следующих поколениях, поскольку преимущества привилегированных слоев в плане обеспечения образования для своих детей дают последним возможность сохранить свои классовые позиции [Shōshi kōrei shakai no kaisō kōzō 1 2021, p. 10].

Ведущие японские специалисты сходятся во мнении, что вопреки получившим в последнее время широкое распространение представлениям о нарастании неравенства в сфере образования, на протяжении всего послевоенного периода не наблюдалось ни заметного усиления, ни заметного ослабления влияния социальных корней на возможности получения образования людьми, принадлежащими к разным социальным слоям. Так, по расчетам профессора Т. Киккава, соотношение шансов на получение высшего образования второго и первого поколений выпускников университетов менялось следующим образом (по когортам рождения): 1935–1944 гг. – 3,39; 1945–1954 гг. – 4,15; 1955–1964 гг. – 3,389; 1965–1974 гг. – 3,876; 1975–1984 гг. – 3,448; 1985–1994 гг. – 4,391 [Shōshi kōrei shakai no kaisō kōzō 1 2021, p. 124]. Таким образом, заключает Т. Киккава, модель относительной мобильности не претерпела каких-либо существенных изменений, возможности получения высшего образования в Японии по-прежнему неравны, и в самой молодой когорте шансы второго поколения выпускников в четыре раза превосходят шансы первого поколения.

Такой же позиции придерживается и профессор Х. Исида, подчеркивая, что распространение высшего образования в послевоенной

Японии не сопровождалось сколько-нибудь заметным сокращением различий между классами в плане его доступности, и что роль образования как медиатора между наследованием классовых позиций и межпоколенческой мобильностью с течением времени не ослабела, но и не усилилась [Shōshi kōrei shakai no kaisō kōzō 1. 2021, p. 30].

Профессор токийского университета Т. Накамура, поддерживая это положение, в то же время отмечает, что стабилизация модели относительной социальной мобильности не означает, что не происходит никаких изменений. В частности, сопоставляя данные SSM за 2005 г. и 2015 г., он делает вывод о том, что в самых молодых поколениях корреляция между уровнем образования (измеряемого числом лет обучения) и социальными корнями (доход и профессия отца) по всем уровням образования несколько ослабела (за исключением слоя 20-29-летних молодых людей, чьи отцы занимают высшие позиции в иерархии профессий) [Shōshi kōrei shakai no kaisō kōzō 1, 2021, p. 45, 48].

Таким образом, расчеты и сделанные на их основании выводы японских ученых, по меньшей мере, не подтверждают тезис о том, что в последние два-три десятилетия произошло усиление неравенства в доступе к высшему образованию. Но в то же время, при всех изменениях, происшедших в японском обществе в послевоенный период, начиная с демократизации системы образования в ходе послевоенных реформ и кончая значительным расширением сети университетов и сокращением численности молодых японцев, как прежде, так и сейчас шансы на получение высшего образования структурируются по горизонтальным линиям, делящим общество на классы и страты. В этом смысле японское общество всегда представляло собой *какуса сякай* или разделенное общество (*gap society*).

Социально-экономическое положение семьи влияет не только на возможности детей получить высшее образование, но и на выбор ранга университета учениками и их родителями. В Японии существуют университеты самого разного уровня. Есть элитные государственные и частные вузы, выпускники которых попадают в центральные государственные ведомства и крупнейшие компании и банки. В то же время есть и университеты, выпускники которых не только не могут претендовать на подобное трудоустройство, но и получают зарплату на уровне зарплат выпускников *сэммон гакко* или *танки дайгаку*. Причем, как отмечает профессор В. Фуруда, с течением времени эти различия не стираются [Shōshi kōrei shakai no kaisō kōzō 2, 2021, p. 96].

Одной из главных целей получения высшего образования является повышение шансов молодых людей на удачное, перспективное трудоустройство. На основе анализа материалов SSM с 1965 г. по 2015 г. В. Фуруда попытался определить, в какой степени ранг университета влияет на возможности карьерного роста в качестве управленцев (*канрисёку*) и специалистов (*сэммонсёку*), которые считаются наиболее престижными карьерными треками. При этом университеты он поделил на две группы: наиболее престижные и известные (I ранг) и все остальные (II ранг). Объектом анализа стали мужчины в возрасте от 25 до 64 лет. Женщины были исключены из анализа, так как из-за замужества и рождения детей они часто оставляют работу, и их карьерный трек проследить сложнее.

Общие выводы, к которым пришел японский ученый, можно суммировать следующим образом. Ситуация с трудоустройством выпускников университетов складывалась по-разному на протяжении рассматриваемых пяти десятилетий, на что в немалой степени влияло состояние конъюнктуры. В связи с этим структура их трудоустройства и карьерного роста довольно заметно различается по когортам рождения и возрастным группам. Поскольку рамки статьи не позволяют подробно останавливаться на этом вопросе, рассмотрим, как складывалась ситуация по двум возрастным группам – 25–34 года и 35–44 года и трем когортам рождения – 1961–1970 гг., 1971–1980 гг. и 1981–1990 гг. Если говорить о поколении 25–34-летних мужчин, т.е. о возрасте, на который приходится начальный этап карьерного роста, то различия между выпускниками университетов первого и второго ранга достаточно заметны. Если среди первых на места управленцев и специалистов устраивались примерно 50–60%, то среди вторых – порядка 1/3. При этом в обеих группах наблюдалась тенденция к сокращению возможностей карьерного роста в качестве управленцев, а что касается специалистов, то этот карьерный трек был гораздо более доступен для выпускников университетов первого ранга. Так, в самой молодой когорте (1981–1990 гг. рождения) места специалистов получили порядка половины выпускников университетов первого ранга и менее четверти выпускников университетов второго ранга.

Что касается 35–44-летних мужчин, т.е. возраста, когда карьерные треки уже вполне определены, то для двух последних когорт (1961–1970 гг. и 1971–1980 гг. рождения) прослеживаются следующие тенденции. Во-первых, сохраняются различия между двумя группами

выпускников в плане доступности карьеры управленцев и специалистов. Если в когорте родившихся в 1961–1970 гг. эти различия незначительны (в обеих группах эти места занимали около 60% выпускников при практически одинаковом соотношении между управленцами и специалистами), то в когорте родившихся в 1971–1980 гг. положение дел заметно меняется. Карьерные возможности первой группы расширяются, в том числе и в качестве управленцев, а второй группы – сокращаются. Если в первой группе эти места занимали порядка 2/3 выпускников, то во второй – менее 40% [Shōshi kōrei shakai no kaisō kōzō 2, 2021, p. 100]. При этом следует иметь в виду и то обстоятельство, что должность *бутё* (руководителя отделения) в гораздо большей степени доступна выпускникам университетов первого ранга, чем второго. Для последних обычно пиком карьерного роста в качестве управленца становится должность *катё* (руководителя отдела).

Ухудшение ситуации для выпускников университетов второго ранга профессор В. Фуруда объясняет их переизбытком вследствие значительного расширения сети частных университетов в последние десятилетия. Из-за этого часть из них вынуждена либо устраиваться на места синих воротничков, либо поступать в *сэммон гакко*, чтобы получить востребованную рынком профессию.

Социально-экономическое положение семьи оказывает влияние на выбор не только ранга университета, но и будущей профессии. К такому выводу приходит в своем исследовании профессор И. Мори. Для анализа она использует материалы SSM за 2005 г. и 2015 г. В соответствии с социально-экономическим положением семьи (определяемым уровнем дохода, профессией отца и уровнем образования родителей) И. Мори выделила восемь групп, различающихся по такому критерию, как «степень легкости» поступления в университет (объект анализа – мужчины и женщины, родившиеся после 1960 г.). Далее она проанализировала, какова вероятность в каждой из групп трудоустройства на места специалистов и насколько они различаются между собой по направлениям специализации. Разумеется, наиболее высокая степень «легкости поступления» характерна для выходцев из семей, занимающих престижное положение в социальной структуре, а к «испытывавшим трудности при поступлении» относятся, главным образом, выходцы из непривилегированных слоев, в частности, представители первого поколения выпускников университетов.

Вот к каким выводам пришла И. Мори. И для мужчин, и для женщин вероятность получения по окончании университета должности специалиста в тенденции возрастает по мере повышения социально-экономического статуса их семей. Так, если в первых двух группах (с наиболее низким социальным статусом) среди мужчин доля трудоустроившихся на места специалистов составила 36% и 17%, а среди женщин – 28% и 27%, то в 7 и 8 группах (с наиболее высоким социальным статусом) – соответственно 41% и 46%, 31% и 35% [Shōshi kōrei shakai no kaisō kōzō 1, 2021, p. 141]. И. Мори объясняет эти различия тем, что представители этих групп заканчивают разные по степени престижности и известности университеты.

Что касается направлений специализации, то для тех, чье поступление в университет было облегчено в силу высокого социально-экономического положения их семей, больше характерна ориентация на получение «широких знаний» и выбор таких профессий, как врач, дантист, аудитор, финансист, преподаватель университета. Что же касается тех, кому поступить было непросто, то они демонстрируют четкую ориентацию на получение в университете профессиональных знаний и квалификации в областях, востребованных реальной экономикой. Мужчины выбирают технические или научно-технические специальности в таких областях, как общее машиностроение, электромашиностроение, строительство, землеустройство, информатика. Среди женщин популярны профессии школьных учителей, воспитателей детских садов, а также специальности, востребованные в системе социального обеспечения и медицинского обслуживания [Shōshi kōrei shakai no kaisō kōzō 2, 2021, p. 143–144].

Иными словами, социальные корни влияют не только на распределение молодых японцев по университетам разного ранга, но и на то, какими будут их карьерные треки и в каких секторах и сферах экономики они будут работать.

Механизм воспроизводства неравенства в системе образования

Как отмечалось выше, в Японии введено бесплатное обязательное 9-летнее образование, однако это не означает, что семьи японских школьников не несут никаких расходов на этом этапе обучения, причем это относится не только к частным школам (что само собой

разумеется), но и к государственным. Об уровне этих расходов дают представление материалы табл. 4.

Таблица 4. Расходы семей на образование учеников средней школы и высшей ступени средней школы (2021 г., тыс. иен в год)

Расходы	Средняя школа		Высшая ступень средней школы	
	государственные	частные	государственные	частные
школьное обучение	132,3	1061,4	309,3	750,4
внешкольное обучение	368,8	367,8	203,7	304,1

Источник: Kodomo no gakushūhi chōsa 2021 [Survey of Expenditures on Children Education] https://www.mext.go.jp/content/20221220-mxt_chousa01-000026656_1a.pdf

Как показывают данные таблицы, расходы родителей на школьное образование в частных школах в разы превышают расходы в государственных: в средней школе – в 8 раз, а на следующей ступени – в 2,5 раза. Это связано с различиями не только и не столько в объеме и качестве образовательных услуг, сколько в общих условиях пребывания детей в школе. Однако в силу того, что основная часть детей обучается в муниципальных средних школах и лишь незначительная часть – менее 8% – в частных⁷, влияние этих различий на ситуацию в сфере образования ограничено.

На этом этапе основную роль в воспроизводстве социального неравенства в сфере образования играет система дополнительного, внешкольного образования. Она включает три формы – *дзюку*, репетиторство и заочные курсы, причем львиную долю образовательных услуг предоставляют *дзюку*.

Дзюку начинались с небольших частных школ, которые создавали директора и/или преподаватели местных учебных заведений для

⁷ Mombu kagaku tōkei yōran Reiwa 5 nen (Statistical Overview of the Ministry of Education, Science and Technology 2023). Table 1: https://www.mext.go.jp/b_menu/toukei/002/002b/1417059_00008.htm Данные за 2022 г. В начальных частных школах обучается менее 1% детей.

проведения дополнительных занятий с определенной частью учеников. Однако постепенно их сеть все больше разрасталась и разветвлялась, и сейчас *дзюку* представляют собой крупную индустрию, состоящую из организаций самого разного типа. На рынке образовательных услуг *дзюку* доминируют порядка 80 крупных компаний, некоторые из которых имеют более сотни отделений и оперируют в масштабах всей страны. Их посещают более половины всех школьников, обучающихся в системе дополнительного образования. Они применяют одинаковые стандарты обучения и используют собственные методические материалы, гарантируя предоставление качественных образовательных услуг. Наряду с крупными *дзюку* на этом рынке функционируют сотни мелких и средних фирм, а также индивидуальных предприятий (собственниками которых являются директора или ведущие преподаватели местных школ) [Enrich 2018, p. 60].

Распространено мнение, что *дзюку* служат, прежде всего, для подготовки учеников к вступительным экзаменам для поступления в учебные заведения следующей ступени (сначала – в средние школы высшей ступени, затем – в университеты). Однако в действительности их функции гораздо шире. Начиная с начальной школы, родители прибегают к услугам *дзюку*, чтобы помочь детям в подготовке домашних заданий, лучше усвоить и углубить знания, которые они получают в школе. Согласно обследованию министерства образования, примерно 10–12% учеников начальной школы и 17–20% учеников средней школы посещают *дзюку*, чтобы повысить успеваемость в школе, а еще 40% – чтобы готовить домашние задания, повторять и углублять школьную программу. Роль *дзюку* в подготовке к вступительным экзаменам резко возрастает на третьем году обучения в средней школе, т.е. перед поступлением в среднюю школу высшей ступени. На этом этапе порядка 2/3 учеников, посещающих *дзюку*, концентрируются на подготовке к вступительным экзаменам [Enrich 2018, p. 58]. Эта подготовка предусматривает не только углубление академических знаний, но и овладение техникой прохождения экзаменов. Более того, репетиция экзаменов с использованием экзаменационных тестов прошлых лет помогает детям и их родителям объективно оценить свои возможности при выборе той или иной школы высшей ступени.

В принципе *дзюку* представляют собой структуру, обучение в которой доступно ученикам из самых разных социальных слоев. Это связано с гибкой системой организации занятий: дети и их родители

могут выбрать не только наиболее подходящее время для занятий, но и предметы для изучения и размеры групп учеников (начиная с индивидуальных занятий и кончая классами разных размеров). Понятно, что на этот выбор не может не влиять социально-экономическое положение семей, так как занятия в *дзюку* платные. Правда, отчасти в целях рекламы, отчасти в стремлении действительно поддержать способных детей из небогатых семей в последнее время некоторые крупные *дзюку* стали снижать плату за их обучение, а в отдельных случаях – даже выплачивать им стипендии [Enrich 2018, p. 267]. Но масштабы такой практики незначительны.

Как показывают данные табл. 4, средние расходы на *дзюку* семей школьников, обучающихся в государственных школах, ничуть не уступают расходам на эти цели привилегированных семей, чьи дети учатся в частных школах. Это связано с тем, что все те, кто стремится дать своим детям «как можно более высокое образование», используют обучение в *дзюку* как инструмент, повышающий шансы на поступление в наиболее известные школы высшей ступени. Подтверждением этому служит, в частности, значительный рост доли детей, обучающихся в частных школах высшей ступени, которые все больше конкурируют с государственными как в плане общего уровня образования, так и по такому важному критерию, как доля поступающих в университеты выпускников. Если в 2010 г. в частных школах обучались 29,7% старшеклассников, то в 2022 г. – уже 34,3%⁸.

О том, насколько возможности использования внешкольного образования зависят от материального положения семей, можно судить по данным табл. 5.

*Таблица 5. Расходы на внешкольное образование
в зависимости от годового дохода семьи
(по муниципальным школам)*

Доход семьи, млн иен в год	менее 4	4-5,99	6-7,99	8-9,99	10-11,99	свыше 12

⁸ Mombu kagaku tōkei yōran Reiwa 5 nen (Statistical Overview of the Ministry of Education, Science and Technology 2023). Table 1: https://www.mext.go.jp/b_menu/toukei/002/002b/1417059_00008.htm

Расходы на внешкольное образование, тыс. иен в год	215	253	283	273	398	502
--	-----	-----	-----	-----	-----	-----

Источник: Kodomo no gakushūhi chōsa 2021 [Survey of Expenditures on Children Education] https://www.mext.go.jp/content/20221220-mxt_chousa01-000026656_1a.pdf

Различия примерно того же порядка наблюдаются и в отношении расходов семей на *дзюку* на завершающем этапе школьного образования, т.е. в период обучения детей в школах высшей ступени (табл. 6).

Таблица 6. Расходы на внешкольное образование в зависимости от годового дохода семьи (по муниципальным и частным школам)

Доход семьи, млн иен в год	менее 4	4-5,99	6-7,99	8-9,99	10-11,99	свыше 12
Расходы на внешкольное образование, тыс. иен в год, муниципальные школы	99	124	156	211	246	361
Расходы на внешкольное образование, тыс. иен в год, частные школы	147	150	163	226	297	494

Источник: Kodomo no gakushūhi chōsa 2021 [Survey of Expenditures on Children Education] https://www.mext.go.jp/content/20221220-mxt_chousa01-000026656_1a.pdf

Как мы отмечали в одной из ранее опубликованных статей, «то, в какие школы высшей ступени попадают ученики, имеет в Японии особое значение, поскольку в течение долгих десятилетий сформировались устойчивые закономерности: из наиболее престижных школ выпускники поступают в наиболее известные университеты, из школ более низкого ранга – в менее известные университеты, а из рядовых школ – в основном выходят на рынок труда. ... Иными словами, жизненные пути молодых японцев во многом зависят от того, в какую школу высшей ступени они смогут попасть» [Лебедева 2020, с. 109].

Как показывают данные табл. 6, независимо от типа и ранга школы для повышения шансов детей на поступление в университет родители используют и обучение в *дзюку*, причем влияние материального положения семьи на объем расходов на эти цели на этом этапе даже возрастает. На наш взгляд, это объясняется тем, что к этому времени и родители, и сами ученики уже сделали выбор относительно дальнейшей судьбы последних. Небогатые семьи стремятся оптимизировать расходы на образование и не ставить недостижимых целей. Напротив, наиболее обеспеченные семьи стремятся использовать все возможности для обеспечения поступления своих детей в самые престижные вузы с тем, чтобы они могли наследовать высокое социально-экономическое положение. Тем самым уже на этом этапе формируются разные жизненные треки для выходцев из разных социальных слоев. Одни поступают в престижные университеты, другие – в менее известные вузы, третьи выбирают *танки дайгаку* или *сэммон гакко*, а часть выходит на рынок труда.

Понятно, что не только академические достижения школьников влияют на выбор университета того или иного ранга, но и размеры платы за обучение. Во всех государственных, префектурных и муниципальных университетах цены на образовательные услуги едины и достаточно умеренны (в 2020 г. 535 тыс. иен в год), из-за чего в ведущих государственных вузах страны сохраняется высокий конкурс и жесткий отбор. В частных университетах наблюдается огромный разброс цен – они зависят не только от престижности вуза, но от факультета (особенно дорого стоит образование на медицинских факультетах, где годовая плата доходит до 6,5 млн иен в год). Влияние платности высшего образования на его доступность усиливает то обстоятельство, что в отличие от ряда западных стран в Японии слабо развита как система предоставления кредитов на образование,

так и выплата стипендий студентам из малообеспеченных семей. Скорее всего, это связано с глубоко укоренившимся представлением, что оплата высшего образования детей является едва ли не священной обязанностью родителей.

От материальных возможностей семьи зависит не только выбор ранга университета, но и, как было показано в первой части статьи, само принятие решения о поступлении ребенка в университет (табл. 2). Причем значение этого фактора еще больше возрастает при принятии решения относительно высшего образования второго ребенка, о чем можно судить по приводимым ниже данным (табл. 7).

Таблица 7. Доли семей, дающих высшее образование
одному и двум детям
(в зависимости от социально-экономического положения), % *

Годовой доход, млн иен	Уровень образования родителей							
	оба родителя с высшим образованием		один из родителей с высшим образованием		один из родителей с образованием <i>танки дайгаку</i> или <i>сэммон гакко</i>		оба родителя со средним или полным средним образованием	
	I	II	I	II	I	II	I	II
менее 3,75	-	-	55,0	31,3	50,0	14,3	37,5	11,0
4-6,75	-	-	88,4	50,0	55,0	23,5	32,7	6,7
7-9,25	86,8	75,0	86,8	60,4	62,5	25,8	54,3	19,5
свыше 11,25	100,0	75,0	90,9	56,8	66,7	26,1	68,2	30,0

Составлено по: [Kyōiku to shakai kaisō 2018, p. 119].

*I – доли семей, где высшее образование получает один ребенок; II – доли семей, где оба ребенка получают высшее образование.

Понятно, что на принятие решения относительно высшего образования второго ребенка помимо экономического положения и социального статуса семьи оказывают влияние и другие факторы,

в частности, пол ребенка. Но в целом данные таблицы говорят о том, что уровень дохода играет в этом решающую роль. Между тем с этой проблемой рано или поздно сталкивается значительная часть японских семей, так как, несмотря на заметное сокращение среднего числа детей в семьях за последние десятилетия, немалая их часть и сейчас имеет по два ребенка и больше. Так, по данным за 2021 г. в половине семей (50,8%) насчитывалось по два ребенка, а в каждой пятой – по три и больше⁹. Японские социологи полагают, что сложности, с которыми сталкиваются японские семьи в стремлении дать детям достойное образование, являются одним из главных факторов снижения рождаемости в стране.

Заключение

Таким образом, система высшего образования Японии, будучи главным фактором социальной мобильности, играет двоякую роль. С одной стороны, благодаря быстрому распространению высшего образования и превращению его в последние годы в массовое нарастает число «мигрантов», отрывающихся от своих социальных корней и переходящих на более высокие ступени социальной структуры (в класс белых воротничков). Иными словами, высшее образование выступает в качестве мощного фактора абсолютной социальной мобильности.

Но что касается относительной социальной мобильности, т.е. соотношения шансов на получение высшего образования выходцами из разных социальных слоев, то расчеты японских ученых показывают, что в этом плане никаких существенных изменений не происходит. Как прежде, так и теперь доступ к высшему образованию, шансы на поступление в известный университет в значительной степени зависят от социально-экономического положения семьи, прежде всего, от ее финансовых возможностей. При этом социальные различия начинают структурировать эти шансы еще в средней школе, а затем и в школе высшей ступени, а главным инструментом консервации социального неравенства на этом этапе выступает система внешкольного образования (*дзюку*).

⁹ Dai jurokkai shusseki dōkō kihon chōsa. Kekka no gaiyū [Sixteen Japanese National Fertility Survey. Summary of Results], p. 43. *National Institute of Population and Social Security Research*.: <https://www.ipss.go.jp/ps-doukou/j/doukou16/JNFS16gaiyu.pdf>

Неравенство шансов, формирующееся на стадии школьного образования, влияет и на выбор ранга университета, и на выбор специальности, а в дальнейшем – и на возможности трудоустройства, предопределяя, по сути, весь жизненный путь человека. В результате, предоставляя шансы продвинуться по социальной лестнице все большему числу молодых людей, японская система образования в то же время консервирует и воспроизводит социальное неравенство. Ведь то, как складываются их жизненные пути, какое место они могут занять в социальной иерархии, в значительной степени зависит от их социальных корней, от того, к какому социальному слою принадлежат их семьи. Однако, нарастание в структуре выпускников японских университетов доли второго поколения обладателей университетских дипломов дает основание предположить, что масштабы влияния фактора социального неравенства в сфере образования постепенно будут сокращаться.

Библиографический список

Лебедева И. П. (2020) Образование и стартовые возможности японской молодежи. *Ежегодник Японии*. Т. 49. С. 86–120. <https://doi.org/10.24411/2687-1432-2020-10004>

References

Enrich, S. R. (2018). *Shadow Education and Social Inequalities in Japan. Evolving Patterns and Conceptual Implications*. Heidelberg: Springer.

Genjō de tsutaeru kyōiku shakaigaku [Sociology of Education in Practice]. (2021). Nakamura T., Matsuoka R. (eds.) Tokyo: University of Tokyo Press. (In Japanese).

Kyōiku to shakai kaisō [Education and Social Stratification]. (2018). Nakamura T., Hirasawa K., Aramaki S., Nakazawa W. (eds.) Tokyo: University of Tokyo Press. (In Japanese).

Lebedeva I. P. (2020). *Obrazovanie i startovye vozmozhnosti yaponskoi molodezhi* [Education and Starting Opportunities of Japanese Youth]. *Yearbook Japan*, 49, 86–120. <https://doi.org/10.24411/2687-1432-2020-10004> (In Russian).

Shirahase, S. (ed.). (2022). *Social Stratification in an Ageing Society With Low Fertility Rate*. Singapore: Springer.

Shōshi kōrei shakai no kaisō kōzō 1. Jinsei shōki no kaisū kōzō [Social Structure in the Aged Society With Low Fertility. The Structure of Stratification in the First Stage of Life]. (2021). Nakamura T., Miwa S., Ishida H. (eds.) Tokyo: Tokyo daigaku shuppankai. (In Japanese).

Shōshi kōrei shakai no kaisō kōzō 2. Jinsei chūki no kaisō kōzō [Social Structure in the Aged Society With Low Fertility. The Structure of Stratification in the Middle Stage of Life]. (2021). Kikkawa T., Satō Y., Watanabe T. (eds.) Tokyo: Tokyo daigaku shuppankai. (In Japanese).